

Научная статья

УДК 327.7

EDN QAVLGL

DOI 10.17150/2587-7445.2026.10(1).31-49

Подходы неарктических азиатских стран к системе арктического управления в эпоху турбулентности

М.Л. Лагутина

Санкт-Петербургский
государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская
Федерация

Цуй Лун

Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого,
г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Дата поступления:

16.11.2025

Дата принятия к печати:

16.03.2026

Дата онлайн-размещения:

10.04.2026

Аннотация. В данной статье авторы анализируют роль пяти азиатских неарктических государств — Китая, Индии, Японии, Республики Корея и Сингапура — в арктическом управлении, их подходы к его трансформации в условиях геополитической турбулентности. Эти страны получили статус наблюдателей в Арктическом совете в 2013 г., что открыло им возможности для участия в научных и природоохранных проектах, но не дало права голоса при принятии решений, их участие в арктическом управлении носит ограниченный характер. Несмотря на лимитированные формальные возможности, азиатские страны стали важными игроками в арктической системе, внося вклад в различные международные форматы сотрудничества. Авторы фиксируют различия в подходах рассматриваемой группы стран: Китай и Индия используют Арктику для укрепления своего глобального статуса, проявляя интерес к научному сотрудничеству, транспорту и энергетическим проектам; Япония и Республика Корея позиционируют себя как «средние державы», стремящиеся интегрироваться через научное сотрудничество и «сетевую дипломатию»; Сингапур, как «малая держава», концентрируется на роли ответственного наблюдателя, уделяя внимание судоходству и климатическим аспектам. Авторы приходят к выводу, что интерес азиатских неарктических стран к Арктике будет усиливаться, а их участие станет одним из ключевых факторов трансформации арктического управления. Научное сотрудничество рассматривается как наиболее перспективная и наименее политизированная сфера, через которую неарктические страны могут закрепить свое присутствие в регионе. В условиях геополитической турбулентности азиатские неарктические акторы позиционируют себя как посредников между Россией и западными арктическими государствами, однако, на практике выступают в большей степени как ревизионисты существующей системы арктического управления, формируя новые форматы арктического сотрудничества и расширяя повестку арктического взаимодействия.

Ключевые слова. Арктика, арктическое управление, Арктический совет, наблюдатели, азиатские неарктические страны, Китай, Индия, Республика Корея, Япония, Сингапур.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00379, <https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2025.104.main/1047396>.

科学文章

动荡时代非北极亚洲国家对北极治理体系的立场与路径

M.L. Lagutina

圣彼得堡国立大学,
圣彼得堡市, 俄罗斯联邦

龙翠

彼得大帝圣彼得堡理工大学,
圣彼得堡市, 俄罗斯联邦

结稿日期: 2025年11月16日
出版日期: 2026年03月16日
网上出版日期: 2026年04月10日

摘要: 本文分析了五个亚洲非北极国家——新加坡、中国、印度、日本和南韩——在北极治理中的角色, 以及它们在当前地缘政治动荡背景下应对北极转型的方式。这些国家在2013年获北极理事会观察员地位, 这为它们参与科学与环境项目提供了机会, 但并未赋予它们在决策中的投票权; 它们在北极治理中的参与度有限。尽管正式机会比较有限, 这些亚洲国家已成为北极体系的重要参与者, 为各种国际合作机制做出了重要贡献。本文作者注意到这组国家采取的不同方式: 中国与印度利用北极来提升其全球地位, 对科学合作、交通与能源项目表现出浓厚兴趣; 日本和南韩将自身定位为“中等强国”, 寻求通过科学合作和“网络外交”融入北极; 新加坡作为“小国”, 则专注于其作为负责任的观察员角色, 关注航运和气候问题。本文作者总结认为, 亚洲非北极国家对北极的兴趣将日益增长, 它们的参与将成为北极治理转型的重要因素。科学合作被视为非北极国家加强其在该地区影响力的最有前景且政治化程度最低的领域。在当前地缘政治动荡的背景下, 亚洲各方正积极扮演俄与西方北极国家之间的调解人角色, 探索新的北极合作模式, 并拓展北极参与议程。

关键词: 北极、北极治理、北极理事会、观察员、亚洲非北极国家、中国、印度、南韩、日本、新加坡。

致谢: 本研究得到了俄罗斯科学基金会(项目编号 25-18-00379)的资助, <https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2025.104.main/1047396>。

Original article

Approaches of Non-Arctic Asian Countries to the System of Arctic Governance in the Era of Turbulence

M.L. Lagutina

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg,
Russian Federation

Lun Cui

Peter the Great St.Petersburg
Polytechnic University
Saint Petersburg, Russian Federation

Received: 2025 November 16
Accepted: 2026 March 16
Available online: 2026 April 10

Abstract. In the article, the authors analyze the role of five Asian non-Arctic states – China, India, Japan, the Republic of Korea and Singapore - in Arctic governance and their approaches to its transformation in the context of geopolitical turbulence. These countries received observer status in the Arctic Council in 2013, which opened up opportunities for them to participate in scientific and environmental projects, but did not give them the right to vote in decision-making, and their participation in Arctic governance is limited. Despite their limited formal capabilities, Asian countries have become important players in the Arctic system, contributing to various international cooperation formats. The authors note differences in the approaches of these countries: China and India use the Arctic to strengthen their global status, showing interest in scientific cooperation, transport, and energy projects; Japan and South Korea position themselves as “middle powers,” seeking integration through scientific cooperation and “network diplomacy”; Singapore, as a “small power,” focuses on the role of a responsible observer, paying attention to shipping and climate aspects. The authors conclude that the interest of Asian non-Arctic states in the Arctic will intensify, and their participation will become one of the key factors in the transformation of Arctic governance. Scientific cooperation is viewed as the most

promising and least politicized sphere through which non-Arctic countries can secure their presence in the region. In the context of geopolitical turbulence, Asian non-Arctic actors position themselves as intermediaries between Russia and the Western Arctic states; however, in practice, they act primarily as revisionists of the existing Arctic governance system, creating new formats for Arctic cooperation and expanding the Arctic cooperation agenda.

Keywords. Arctic, Arctic governance, Arctic Council, observers, Asian non-Arctic countries, China, India, Republic of Korea, Japan, Singapore.

Funding. The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, Grant No. 25-18-00379, <https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2025.104.main/1047396>.

Введение

За годы международного взаимодействия арктических стран в Арктике удалось создать эффективную систему международного сотрудничества и управления Арктикой, а «стремление региональных государств к совместной работе сделали его [прим. авторов — «международное сотрудничество»] образцом конструктивного взаимодействия на мировой арене» [1, с. 4]. Изначально, трактовка понятия «арктическое управление» (“Arctic Governance”) сводилась к «сочетанию традиционного территориального управления восемью государствами и их жителями, международных организаций и океанического права»¹. Управление Арктикой вплоть до недавнего времени определялось в основном работой в рамках Арктического совета (АС) — ключевого регионального межправительственного форума, занимающегося вопросами охраны окружающей среды и устойчивого развития. Такая система управления приобрела определенную устойчивость и рассматривалась как эффективная.

Со временем в систему арктического сотрудничества стали включаться и неарктические страны, проявившие интерес к участию в арктических делах, а также обладающие необходимым опытом участия в освоении Арктики и ее научном исследовании. Так, в период с 1998 по 2017 гг. наблюдателями Арктического совета стали 13 неарктических государств Европы и Азии. В результате сегодня в арктическом управлении, с разной степенью вовлеченности, принимают участие как арктические, так и неарктические государства, их роли определя-

ются на основе статуса или членства в АС: арктические государства имеют основные права и обязанности, а неарктические государства имеют статус наблюдателя, но «играют важную роль, участвуя в рабочих группах Совета, а также вовлечены в другие процессы. Вне этой системы неарктические государства ежедневно осуществляют управление Арктикой, участвуя в глобальных процессах, влияющих на Арктику» [2]. Прежде всего, неарктические страны обеспокоены климатическими изменениями в Арктике и их влиянием на другие регионы мира. Они заинтересованы в беспрепятственном доступе к арктическим минеральным богатствам и транспортным артериям.

Среди неарктических государств особо выделяется группа азиатских стран, которые активно стремятся к участию в арктическом управлении. Китай, Индия, Япония, Сингапур и Республика Корея, получив в 2013 г. статус наблюдателя в АС, выпустили документы (кроме Сингапура), в которых подробно изложили и формализовали свою арктическую политику. Сегодня все пять стран участвуют в научных проектах, осуществляемых рабочими группами, целевыми группами и экспертными группами АС: «некоторые неарктические государства рассматривают статус постоянного наблюдателя как символ важной и ценной позиции в международных арктических делах» [3, р. 22]. С 2015 г. в Азии регулярно проводятся мероприятия Арктического круга (Arctic Circle).

Как отмечает Л. Бродт: «дискуссия о растущей вовлеченности азиатских государств в Арктике претерпела изменения: от изначально настороженного отношения арктических стран к увеличившемуся интересу со стороны неарктических государств до признания эффективности совместных научных проектов в регионе» [4]. Примерно до начала 2010-х гг. Россия, на-

¹ Arctic Governance and the Arctic Council. // Royal Geographical Society with IBG. URL: <https://www.rgs.org/schools/resources-for-schools/arctic-governance-and-the-arctic-council#:~:text=Due%20to%20its%20particular%20geography,international%20organisations%2C%20and%20ocean%20law>

ряду с Канадой, выступала против привлечения неарктических стран к арктическому сотрудничеству [5, р. 118–119]. Однако, в контексте провозглашенного в последние годы в российской внешней политике «поворота на Восток» [6, с. 186–204] и во многом под влиянием кризиса 2022 г. именно на группу неарктических азиатских стран обращено внимание российского руководства как на потенциальных партнеров, в том числе, в совместном развитии Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ).

Следствием событий февраля 2022 г. стал кризис арктического управления, нашедший свое проявление в постановке «на паузу» работы Арктического совета, выходе России из Совета Баренцева/Евроарктического региона, «замораживании» большинства институциональных каналов сотрудничества между Россией и западными арктическими странами. В результате в экспертных кругах началась дискуссия о будущем Арктического совета, о будущем всей системы арктического управления. Поднимается вопрос и о роли неарктических стран в арктическом управлении в новых условиях².

Цель статьи — определить место и роль неарктических азиатских стран в системе арктического управления в эпоху турбулентности; сравнить национальные подходы неарктических азиатских стран к системе арктического управления в период общемирового геополитического кризиса.

Сегодня арктическая политика азиатских неарктических стран находится в центре внимания многих российских [4; 6–10] и зарубежных [11–15] исследователей. Авторы главным образом уделяют внимание анализу официальных стратегий этих стран в регионе, обзору конкретных проектов с их участием в различных сферах. Однако, тема подходов азиатских неарктических стран к системе арктического управления представляется, на наш взгляд, недостаточно изученной в российской политологической литературе.

В работе использованы метод матричного анализа, заключающийся в составлении таблицы «Азиатские неарктические страны в системе арктического управления»; метод сравнительного анализа позволил оценить степень участия пяти азиатских неарктических стран в институтах арктического управления на разных уровнях: глобальном и региональном; а также ме-

тод анализа документов (текстов официальных арктических стратегий Китая, Индии, Японии и Южной Кореи). При проведении исследования авторами использовался инструментарий искусственного интеллекта ChatGPT — для поиска научных публикаций и аналитических докладов на корейском и японском языках, для их перевода на русский язык.

Общая характеристика системы арктического управления

Большинство авторов сходятся во мнении, что нынешняя система арктического управления (Arctic Governance) начала формироваться в момент подготовки Стратегии охраны окружающей среды Арктики (the Arctic Environmental Protection Strategy (AEPS)) в 1991 г.: «Эта стратегия опиралась на механизм «мягкого права» и была призвана решить насущные экологические проблемы Арктического региона, такие как изменение климата, загрязнение и разрушение среды обитания. AEPS стала важнейшим шагом в создании основы для регулирования человеческой деятельности в Арктике и заложила основу для дальнейшего международного сотрудничества в этой области» [16, р. 258]. В дальнейшем последовало институциональное и продолжилось конвенциональное оформление системы арктического управления.

Так, начиная еще со второй половины XX в. активно формировался конвенциональный режим в Арктике: создается конвенциональная система двусторонних (например, Российско-шведская декларация от 4 февраля 1993 г., Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады о сотрудничестве в Арктике и на Севере от 19 июня 1992 г. и др.) и многосторонних договоров (например, Соглашение о сохранении белых медведей (1973 г.), советско-канадский Протокол о научно-техническом сотрудничестве в Арктике (1984 г.), советско-американское Соглашение о сотрудничестве в борьбе с загрязнением в Беринговом и Чукотском морях в чрезвычайных ситуациях (1990 г.) и др.). Конвенция ООН по морскому праву (UNCLOS) 1982 г. регулирует права государств в их территориальных водах, исключительных экономических зонах и на континентальном шельфе.

В период 1990-х гг. в Арктике арктическими странами создается ряд международных региональных организаций и форумов: Совет Баренцева/Евроарктического региона (1993), Арктический совет (1998), неправительственная организация Северный форум (1991) и др. Ин-

² Roles of Asian Observers in Arctic Governance: Adapting to a Changing Arctic Council. // University of Alberta. The China Institute. April 13. URL: <https://www.ualberta.ca/china-institute/events/2023/arctic-council.html>

ституциональная система современного арктического управления может быть представлена в виде нескольких уровней:

– международный/глобальный: международные организации (ООН и ее специализированные учреждения — Комиссия по границам континентального шельфа, Международный орган по морскому дну, Международный трибунал по морскому праву, Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Программа развития ООН (ПРООН), Международная морская организация (ИМО) и др.);

– региональный: региональные организации и форумы (Арктический совет, Баренцев Евро-Арктический совет, Северный форум и др.);

– национальный: арктическая «восьмерка» (Канада, Королевство Дания, Исландия, Финляндия, Норвегия, Российская Федерация, Швеция, США);

– субнациональный: самоуправляющиеся округа (Гренландия, Фарерские острова), территории (Юкон, NWT, Нунавут), штаты (Аляска), республики (Якутск, Коми, Карелия), провинции (Квебек) и графства (Лапландия, Норботтен).

По мнению Л. Хейнинена, Х. Экснер-Пиро и Ж. Плюффе [17], уникальность такой системы состоит в том, что эти уровни при своей различности пересекаются и взаимодействуют. Следует отметить роль и влияние группы неправительственных акторов Арктики (СМИ, академические сети, различные НПО и др.). В целом, характеризуя сложившуюся систему арктического управления, разные авторы описывают ее как «паутину отношений» (а “web of relations”) [18, p. 132–158], «множество многослойных правил, как негласных, так и кодифицированных» (а “plethora of layered rules, both tacit and codified”) [19, p. 23], и «сложная сеть организаций, политик и соглашений, направленных на защиту хрупкой арктической среды и обеспечения устойчивого развития региона» [16, p. 258]. Система весьма успешно функционировала несколько десятилетий, обеспечивая устойчивое международное взаимодействие в Арктике.

Вплоть до конца XX в. главными акторами в регионе выступали арктические государства, преследующие свои национальные интересы. К арктическим государствам относятся — Дания, Канада, Норвегия, Россия, США, а также Финляндия, Исландия и Швеция. Все эти страны являются членами Арктического совета, но только пять из них относятся к прибрежным странам Северного Ледовитого океана — это Россия, Канада, США, Дания и Норвегия («арктическая пя-

терка»). Финляндию, Швецию и Исландию называют «приарктическими», вместе с «арктической пятеркой» они создают «арктическую восьмерку». Как отмечают российские эксперты А.Н. Вылегжанин, В.И. Салыгин, И.П. Дудыкина и Е.В. Киенко: «Принятие арктическими государствами Декларации об учреждении Арктического совета 1996 г. (согласно которой эти государства обозначили только себя членами Арктического совета) стало этапом институционализации формата “восьмерки арктических государств”» [20, с. 125]. В XXI в. происходят серьезные трансформации в системе регионального управления Арктикой, которая становится центром притяжения самых разных сил и заинтересованных сторон, значительно увеличивается количество разнообразных участников арктического сотрудничества, в том числе так называемых «внерегиональных» или «неарктических».

Страны-наблюдатели

в Арктическом совете и их права

Последние несколько десятилетий мы наблюдаем процесс постепенной интеграции неарктических стран в арктическое сотрудничество и попытки их непосредственного участия в арктическом управлении. В настоящее время статус наблюдателя в Арктическом совете имеют 13 неарктических стран: 8 европейских (Франция, Германия, Нидерланды, Польша, Испания, Великобритания, Италия и Швейцария) и 5 азиатских (Китай, Япония, Республика Корея, Республика Сингапур и Республика Индия).

В рамках исследования важно определить, что означает для неарктических стран получение статуса наблюдателя в Арктическом совете, что им дает этот статус?

Декларацией об учреждении Арктического совета 1996 г. предусмотрено, что конкретное неарктическое государство, имеющее национальный интерес в Арктике и его интерес признается арктическими государствами, может получить статус наблюдателя в Арктическом совете. По мнению российских экспертов А.Н. Вылегжанина, В.И. Салыгина, И.П. Дудыкиной и Е.В. Киенко: «тем самым в этом институциональном механизме обеспечен разумный баланс интересов: а) государств Арктического региона — прежде всего в принятии общих для региона решений по управлению его пространствами и природными ресурсами, в контексте современных изменений окружающей среды в регионе, в предупреждении экологических катастроф в этом особо уязвимом регионе; б) неарктиче-

ских государств — прежде всего в охране арктической окружающей среды, в сохранении равных (с арктическими странами) возможностей использования транспортного потенциала Северного Ледовитого океана в условиях таяния льдов» [20, с. 125–126]. Вопрос о балансе интересов арктических и неарктических игроков в регионе является одним из ключевых.

На официальном сайте Арктического совета представлена информация о его наблюдателях. Так, первое положение в разделе о наблюдателях звучит следующим образом: «Принятие решений на всех уровнях Арктического совета является исключительным правом и обязанностью восьми арктических государств при участии постоянных участников»³. На практике это означает, что, получив статус наблюдателя, государство или организация признает исключительные права арктической восьмерки. Однако, здесь следует отметить, что позиции самих арктических стран по вопросу о предоставлении статуса наблюдателя неарктическим странам весьма разнятся. Как мы уже отмечали ранее, до недавнего времени Россия и Канада выступали активными противницами привлечения неарктических стран в Арктику, отстаивая сложившуюся систему арктического сотрудничества. В свою очередь, такие страны как США и Исландия — наоборот, всячески приветствовали расширение состава участников арктического взаимодействия. До сих пор на экспертном и политическом уровнях ведутся дискуссии по поводу роли неарктических стран в арктическом управлении. Отмечается, что с одной стороны, АС может выиграть от участия новых игроков, которые могут стать, например, источником значительных инвестиций в арктические проекты, сбалансировать сложившийся дисбаланс в отношениях арктических стран (Россия и 7 арктических стран-членов НАТО). С другой стороны, некоторые арктические государства, представители коренных народов Севера обеспокоены тем, что расширение АС, арктического сообщества «может размыть основные принципы, которыми он должен руководствоваться в своей деятельности» [21, с. 165]. В частности, указывается на то, что реальное проникновение некоторых неарктических стран происходит и помимо АС. Речь идет о том, что у таких стран как Китай, Япония и Южная Корея уже «есть созданные ими значительные активы или целые инфраструктуры, такие как арктическая

научно-исследовательская станция или ледоколы» [21, с. 165]. Поэтому вопрос о месте и роли неарктических стран в арктическом управлении до сих пор остается дискуссионным, хотя их присутствие в этой системе уже очевидно.

Основная функция наблюдателей состоит в том, что они наблюдают за работой АС. В то же время они могут:

- вносить определенный вклад в деятельность рабочих групп Совета посредством выдвижения каких-либо проектов через одно из арктических государств, но при этом финансирование проектов наблюдателями не должно суммарно превышать размер финансирования арктических стран;

- на заседаниях вспомогательных органов АС наблюдатели могут выступать с заявлениями, но после выступлений арктических государств и с разрешения Председателя, а также имеют право представлять заявления в письменном виде, высказывать свои комментарии и дополнения по обсуждаемым вопросам;

- направлять письменные заявления на совещаниях министров⁴.

Важно подчеркнуть, что в принятии решений наблюдатели не участвуют, это остается исключительным правом восьми арктических государств.

В 2011 г. был опубликован Доклад старших должностных лиц Арктики (SAO)⁵, установивший дополнительные критерии для наблюдателей АС и определил их роль в Совете. Помимо упомянутого тезиса о строгом признании «суверенитета, суверенных прав и юрисдикции» восьми арктических стран, выделены также такие критерии:

- принятие и поддержка целей АС, определенных в Оттавской декларации;

- признание, что к Северному Ледовитому океану применима обширная правовая база, в частности, морское право, и что эти правовые рамки обеспечивают прочную основу для ответственного управления Северным Ледовитым океаном;

- уважение ценностей, интересов, культуры и традиций коренных народов Арктики и других жителей Арктики;

- политическая готовность, а также финансовая способность вносить вклад в работу Постоянных участников и других коренных народов Арктики;

⁴ Role of Arctic Council observers. // Arctic Council. URL: <https://arctic-council.org/ru/about/observers/>

⁵ The criteria for admitting observers and role for their participation in the Arctic Council. Senior Arctic Officials (SAO) Report to Ministers. Nuuk, Greenland, May, 2011. URL: https://www.arcticobserving.org/images/pdf/Board_meetings/5th_tromso/sao_report_to_ministers_-_nuuk_ministerial_meeting_may_2011.pdf

³ Role of Arctic Council observers // Arctic Council. URL: <https://arctic-council.org/ru/about/observers/>

– наличие своих арктических интересов и опыта, имеющего отношение к работе АС;

– наличие конкретной заинтересованности и способности поддерживать работу АС, в том числе через партнерство с государствами-членами и постоянными участниками, доводя проблемы Арктики до глобальных органов принятия решений.

В рамках данных критериев с тех пор осуществляется деятельность неарктических стран в системе арктического управления на региональном и глобальном уровнях.

Таким образом, страны-наблюдатели АС могут присутствовать на его заседаниях и заседаниях рабочих групп, от них ожидается активное участие в различных проектах рабочих групп Совета, но наблюдатели не имеют права голоса и не могут напрямую влиять на принятие решений Арктического совета [22]. Однако, эти ограничения не снижают интерес со стороны неарктических стран, представляющих разные регионы мира. Наоборот, с каждым годом список стран, проявляющих свой интерес к участию в арктических делах, увеличивается за счет многих стран, которые географически расположены далеко от северных территорий, но которые обеспокоены последствиями климатических изменений в Арктике и возможным их влиянии на климат в этих странах и регионах.

Место азиатских стран в современной системе арктического управления

Страны Азии вслед за европейскими государствами стали последовательно проявлять активный интерес к Арктике: «На периферии «арктического бума» не остались и ведущие страны Северо-Восточной Азии, активизировавшие свои арктические научно-исследовательские программы и взявшие курс на расширение своей вовлеченности как в коммерческое освоение Арктики, так и в арктические дела» [7, с. 34–35]. Поворотным моментом в оформлении «арктического статуса» ряда стран Азии стал 2013 г., когда они получили статус наблюдателей в Арктическом совете. По мнению российских экспертов В.Н. Конышева и А.А. Сергунина: «Для них доступ к ресурсам Арктики — это залог успешного промышленного развития, связанного с растущими затратами энергоресурсов на долгие годы вперед» [8, с. 36]. В свою очередь, эти страны готовы инвестировать в развитие арктического региона свои финансовые и технологические ресурсы. Наиболее активны в области инвестиций такие страны как Китай, Индия, Южная Ко-

рея и Япония. Они заинтересованы в поддержке различных проектов в области научных исследований проблем изменения климата, судоходства и добычи полезных ископаемых.

Получение статуса наблюдателя азиатскими неарктическими странами было непростым делом, некоторые страны подавали заявки в АС неоднократно. Обусловлено это было недоверием некоторых арктических стран в отношении истинных мотивов участия азиатских стран в арктических делах [22]. Так, например, Китай, Япония и Республика Корея до получения статуса наблюдателя в АС на официальном уровне неоднократно предлагали объявить Арктику «всеобщим достоянием человечества», тем самым, оспаривая суверенные права арктических государств. Безусловно, такой подход вызывал у арктических стран недовольство. Со временем позиция противников привлечения азиатских неарктических стран к сотрудничеству (в первую очередь, Россия и Канада) в регионе смягчилась, так как став наблюдателями, страны Азии признали незыблемость суверенных прав арктических стран, а Россия и Канада осознали потенциал азиатских партнеров в контексте развития экономической деятельности в Арктике.

Страны Северной Европы были в числе тех, кто изначально в большей степени позитивно отнеслись к арктическому интересу азиатских неарктических стран [23]. Основными направлением сотрудничества азиатских наблюдателей с североевропейскими странами стало сотрудничество в сфере экономики и науки. Позиция США сводилась с самого начала к максимальной открытости Арктики для всех заинтересованных в арктическом сотрудничестве стран. В случае стран Азии у США в их числе присутствуют их давние союзники — Япония, Южная Корея, Сингапур и Индия, которые имеют долгую историю совместного сотрудничества и ряд общих интересов в области безопасности в Тихоокеанском регионе, что в перспективе может распространиться и на арктический регион [22]. Интересно отметить, что США, не владея арктическими транспортными путями, разделяют позицию Китая в отношении международного статуса морских путей и свободного судоходства в Арктике [11, р. 78].

Несмотря на разницу в подходах арктических стран в отношении азиатских неарктических стран, получив статус наблюдателей в АС, Китай, Индия, Япония, Сингапур и Республика Корея активно включились в систему двустороннего сотрудничества с арктическими странами

в таких областях как наука, экономика, рыболовство, судоходство и др. Сегодня представляется возможным говорить об общей повестке дня, включающей в себя следующие вопросы: обеспечение и поддержание в регионе мира, сотрудничества, стабильности, устойчивое развитие Арктики.

Сегодня группа азиатских неарктических стран весьма активно участвует в глобальных и региональных институтах, включенных в систему арктического управления [24, р. 316]. Так, на глобальном уровне эти страны являются участниками Конвенции ООН по морскому праву, Рамочной конвенции ООН об изменении климата, таких документов как Руководство по эксплуатации судов в арктических ледовых водах [12]. Китай и Индия являются участниками сотрудничества стран БРИКС, в рамках которого с 2015 г. развивается сотрудничество стран в области океанических и полярных исследований [25]. Что касается регионального и национального уровней, то здесь азиатские неарктические страны активно проявляют себя и на уровне многостороннего сотрудничества, и на

уровне двусторонней коллаборации. Рассмотрим подробнее участие неарктических азиатских стран в ключевых институтах арктического управления в представленной таблице.

Из приведенной таблицы видно, что наиболее активными участниками арктического управления и многостороннего сотрудничества выступают Китай, Япония и Южная Корея, тогда как Индия и особенно Сингапур пока существенно уступают в этом. АС стал основной площадкой для участия азиатских стран в арктическом управлении, но востребованы также международные научно-исследовательские организации, работающие в Арктике. Это можно объяснить тем, что для неарктических стран участие в научных исследованиях Арктики открывает им «окно» в регион: «научная дипломатия является главным инструментом по легитимизации присутствия неарктических стран в полярном регионе» [26, с. 180].

Принимая во внимание экономические интересы стран Азии в Арктике, вызывает удивление отсутствие внимания к деятельности Арктического экономического совета (АЭС), в котором

Азиатские неарктические страны в системе арктического управления

	Китай	Япония	Республика Корея	Сингапур	Индия
<i>Международный/глобальный уровень</i>					
Организация объединенных наций (ООН)	+	+	+	+	+
БРИКС	+	–	–	–	+
<i>Региональный уровень</i>					
Арктический совет	– наблюдатель – участие в проекте Программы Арктического мониторинга и оценки (АМАР) «Обеспечение устойчивости арктических систем наблюдения» – участие в проекте рабочей группы АС по сохранению арктической флоры и фауны (CAFF) «Меры по обеспечению биоразнообразия Арктики»	– наблюдатель – участие в проекте Программы Арктического мониторинга и оценки (АМАР) «Обеспечение устойчивости арктических систем наблюдения» – участие в проекте рабочей группы АС по сохранению арктической флоры и фауны (CAFF) «Меры по обеспечению биоразнообразия Арктики» – участие в Рамочной программе действий АС	– наблюдатель – участие в проекте Программы Арктического мониторинга и оценки (АМАР) «Обеспечение устойчивости арктических систем наблюдения» – участие в проекте рабочей группы АС по сохранению арктической флоры и фауны (CAFF) «Меры по обеспечению биоразнообразия Арктики»	– наблюдатель – участие в проекте рабочей группы АС по сохранению арктической флоры и фауны (CAFF) «Меры по обеспечению биоразнообразия Арктики»	– наблюдатель – участие в проекте рабочей группы АС по сохранению арктической флоры и фауны (CAFF) «Меры по обеспечению биоразнообразия Арктики» – участие в Рамочной программе действий АС

Окончание табл.

	Китай	Япония	Республика Корея	Сингапур	Индия
Арктический экономический совет	-	-	Корейский арктический исследовательский консорциум (KoARC), представленный компаниями Hyundai Heavy Industries, Samsung Heavy Industries и Daewoo Shipbuilding and Marine Engineering (DSME), а также Korea Gas Corporation	-	-
Северный форум	китайская провинция Хэйлунцзян (1991–2010)	правительство провинции Хоккайдо (1991–2013)	Южная Корея (1991–2009), провинция Кангвон (2007–формально до настоящего времени)	-	-
Международный арктический научный комитет (МАНК)	Китайское управление Арктики и Антарктики	Японский Национальный институт полярных исследований	Корейский институт полярных исследований	-	Индийский национальный центр полярных и океанических исследований
Тихоокеанская арктическая группа (PAG) (с 2008 г.)	– Бо Чэнь – Бо Сунь – Ян Хуэйгэн – Хэ Цзяньфэн – Чжао Цзиньпин – Чэнь Лици – Ли На – Сэнди Шан – Ван Юн	– Хироси Канда – Икэда Мотоуоши – Кохэй Мидзобата – Кодзи Симада	– Чин Дон Мин – Син Хён Чхоль – Ким Хён Чхоль – Чон Кён Хо – Ли Сан – Кан Сон Хо		
Азиатский форум полярных наук (азиатский аналог МАНК)	Институт полярных исследований Китая	Национальный институт полярных исследований Японии	Корейский институт полярных исследований		Национальный центр полярных и океанических исследований Индии

представлена лишь Республика Корея из числа азиатских неарктических стран. Видимо, страны рассматриваемой группы предпочитают действовать в большей степени на уровне межгосударственного взаимодействия, тогда как участниками АЭС выступают конкретные компании, а не государства. Известно, что руководство АЭС ведет переговоры с китайскими, японскими и индийскими компаниями, но пока те занимают осторожную позицию в отношении своего участия в работе АЭС.

Перспективной площадкой арктического сотрудничества в условиях нынешней турбулент-

ности, на наш взгляд, является международная неправительственная организация северных регионов — Северный форум. Как видно из таблицы, в разное время членами Северного форума были регионы азиатских стран: Хэйлунцзян (1991–2010), Хоккайдо (1991–2013), Республика Корея (1991–2009). Южнокорейская провинция Кангвон формально продолжает оставаться членом Форума, хотя ее фактическая деятельность пока «заморожена». Тем не менее, на данном этапе просматриваются позитивные сдвиги в направлении «размораживания» сотрудничества. Так, в сентябре 2025 г.

на полях Восточного экономического форума во Владивостоке состоялась рабочая встреча делегатов Северного форума и представителей провинции Кангвон, в рамках которой обсуждались возможности восстановления их фактического участия в работе организации. В последние годы интерес к деятельности Северного форума также проявляют регионы Индии, Индонезии и Монголии.

Важно отметить, что азиатские неарктические страны стараются внести свой собственный вклад в развитие институтов арктического управления. Речь, например, идет об Азиатском форуме полярных наук (так называемый «азиатский аналог МАНК») и о трехстороннем диалоге Китая, Японии и Южной Кореи, который постепенно приобретает институциональное оформление [27, с. 300]. В 2015 г. состоялась встреча высших должностных лиц этих трех стран, по итогам которой «признавая глобальную значимость вопросов Арктики, руководители КНР, Южной Кореи и Японии решили организовать трехсторонний диалог на высоком уровне»⁶. В 2016 г. министры иностранных дел Китая, Японии и Южной Кореи обсудили совместную арктическую повестку дня, а в 2018 г. было принято решение об организации Трехстороннего саммита (Trilateral summit) по обсуждению вопросов Арктики.

Позиции азиатских неарктических стран в отношении перспектив арктического управления

Рассмотрим подробнее позиции пяти азиатских неарктических стран в отношении нынешней системы арктического управления и перспектив ее трансформации в условиях турбулентности.

Для Китая участие в арктических делах связано с формированием его международного имиджа, позиционированием себя как глобальной державы, имеющей интересы во всех уголках мира и Мирового океана. Сегодня арктическая политика Китая является частью его планов по формированию нового мирового порядка, основанного на концепции «Сообщества единой судьбы человечества» (人類命運共同體), где Китай намерен выступать одним из гарантов этого миропорядка. Стремясь к равноправному партнерству на глобальном уровне, Китай призывает к реформированию системы глобального

управления, в основе которого — отрицание западноцентричного миропорядка⁷. Арктическое управление рассматривается как часть системы глобального управления. Так, многие китайские эксперты пишут о необходимости создания «Арктического сообщества с общим будущим» [28–31], которое российские эксперты оценивают как «региональное преломление китайской глобальной концепции “Сообщества единой судьбы человечества”» [32]. Эта политическая инициатива Китая предлагает новый формат взаимодействия арктических и неарктических стран, предполагающий уравнивание в правах и возможностях всех участников арктического управления [28], создание так называемой «Большой Арктики» [33]. Особую роль в китайских планах участия в арктическом управлении играет «Ледовый шелковый путь», инициированный в 2017 г. По мнению китайского исследователя Ли Дахай, «строительство «Ледового шелкового пути» является важным способом участия КНР в защите, развитии и управлении Арктикой» [34].

В тексте «Арктической политики Китая» отмечено, что «Китай принимает активное участие в международном управлении Арктикой. Китай поддерживает существующую систему управления Арктикой, <...> и защищает общие интересы всех стран и международного сообщества»⁸. При этом на практике подход Китая к арктическому управлению, по мнению экспертов, достаточно неоднозначен [32]. С одной стороны, участвуя в деятельности рабочих групп, Китай проявляет себя как активного и дисциплинированного (и, по мнению большинства, готового к сотрудничеству) наблюдателя в Совете. С другой стороны, «на практике и как сформулировано в его стратегии, Китай хочет участвовать в управлении Арктикой и формировать это управление» [35], в частности, посредством продвижения той самой идеи «Арктического сообщества с общим будущим» — как альтернативы нынешней системе арктического управления. Китай активно использует все дипломатические инструменты для получения более активной позиции в Арктическом совете, а значит, и в арктическом управлении. Так, например, в китайских документах КНР называет себя не как «неарктическое го-

⁷ People's Republic of China. Concept Paper on the Global Governance Initiative. // Ministry of Foreign Affairs of China. September 1, 2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/wjbxw/202509/t20250901_11699912.html

⁸ China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. First Edition. 2018. // The State Council. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm

⁶ Joint statement. The Second Trilateral High-Level Dialogue on the Arctic. // Ministry of Foreign Affairs of Japan. Tokyo, June 8, 2017. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000263104.pdf>

сударство», а «околоарктическое» (近北极国家), тем самым подчеркивая свое особое место среди внерегиональных игроков в Арктике. Более того, в риторике китайских экспертов продолжает звучать идея «глобального общественного достояния» (global commons) в отношении Арктики, Северного Ледовитого океана. Так, например, китайские ученые Гао Фей и Го Пейцин отмечают: «экологические, климатические и геополитические риски, связанные с Арктикой, выходят далеко за пределы регионального уровня и оказывают глобальное воздействие. Поэтому, хотя Арктика не является полностью глобальным достоянием в географическом или правовом смысле, ее масштабные последствия для всего мира создают «эффект глобального общественного достояния» в сфере управления, что делает необходимым международное сотрудничество» [36]. При этом авторы признают возникающие при таком подходе риски, связанные с дилеммой «суверенизация» (“sovereignization”) — «обобществление» (“commonization”) Арктики и ее системы управления.

Для Индии вопрос участия в арктических делах и степень вовлеченности в арктическое сотрудничество и систему регионального управления — это также вопрос ее глобального статуса: «присутствие в Арктике рассматривается как одно из проявлений великодержавного статуса государства, признак глобальности национальных интересов, вовлеченности в мировые процессы и глобальное управление» [9, с. 41]. На это указывает и индийский эксперт А. Бисен: «интересы Индии в регионе согласуются с ее более широкими геополитическими целями, такими как обеспечение многополярного мирового порядка и защита своего суверенитета» [37]. При этом индийский эксперт У.К. Синха отмечает, что «подход Индии к Арктике по сути также двойной: Индия действительно заинтересована в управлении глобальным общественным достоянием (global commons) и в сотрудничестве с прибрежными государствами для эффективной научной политики, она также заботится об устойчивом развитии ресурсов, не делая Арктический регион нестабильным» [13, с. 113].

Арктическое управление в индийской интерпретации, согласно тексту «Арктическая политика Индии»⁹, представляет собой многостороннюю систему управления регионом, а АС

рассматривается в качестве ведущего международного регионального форума, сама Индия нацелена на более активное вовлечение в его работу. Кроме АС, в тексте упоминаются: Международный арктический научный комитет, Общественное сотрудничество Северных стран (Nordic Defense Cooperation), Форум береговой охраны Арктики (Arctic Coast Guard Forum), Форум регуляторов оффшорной деятельности (Offshore Regulators Forum), а также АЭС.

Вслед за Китаем индийские эксперты актуально высказывают идею о необходимости расширения состава арктического сообщества: «сохранение Арктики не под силу одной стране или определенной группе стран. Это должны быть совместные усилия всего мирового сообщества, поскольку климат может оказать негативное воздействие на всех нас» [38]. В связи с этим индийские эксперты [37] рекомендуют правительству Индии направить свои усилия на реализацию цели по реструктуризации АС и достижению полноправного членства в нем. Более того, индийские эксперты идут дальше своих китайских коллег, предлагая вообще отказаться от термина «неарктические страны» в связи с очевидной «глобальностью» Арктики [39]. Внимательный анализ текста документа «Арктическая политика Индии» показывает, что Индия позиционирует себя как страну, готовую внести свой вклад в «глобальное благо» через реализацию своих целей и задач в Арктике.

Концептуальным обоснованием присутствия Индии в системе арктического сотрудничества и управления является идея о том, что Индия — страна «третьего полюса» (Гималаи). С 2013 г. диалог по поводу «Трех полюсов холода» ведется на площадке Арктического круга. Идею «Трех полюсов холода» (Арктика, Антарктика и Гималаи) поддерживают КНР, Япония и Республика Корея, интерес проявляют и арктические страны — Россия и страны Северной Европы.

Вопрос арктического управления — один из центральных в повестке дня арктической политики Японии. Как отмечают эксперты, для Японии существующая система арктического управления, представленная арктическими странами и АС, определяется как «замороженная» система прав и обязанностей в Арктике, которая превращается в «реальную политическую проблему» [40]. Из-за своего статуса неарктической страны Япония не имеет реального влияния на арктическую повестку дня и принимаемые решения: роль Японии остается «периферийной» в арктическом управлении, «сложившее-

⁹ India's Arctic policy. Building a Partnership for Sustainable Development, 2022. // Government of India. URL: <https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-03/compressed-SINGLE-PAGE-ENGLISH.pdf>

ся институциональное неравенство приводит к маргинализации Японии в арктическом управлении» [40]. В этом контексте для Японии ключевая задача заключается в том, чтобы встроиться в «многослойную архитектуру» арктического управления и реализовать свои интересы — как экономические (судостроение, доступ к Северному морскому пути, участие в ресурсных проектах), так и политические (укрепление имиджа ответственной «средней державы»). В частности, Япония должна укреплять участие в АС, поддерживать деятельность международных форумов (Арктический круг, Arctic Frontiers) и формировать собственные диалоговые площадки (Arctic Science Ministerial, ArCS проекты)¹⁰. По мнению японских экспертов, Япония может сыграть важную роль в арктическом управлении, если будет системно совмещать научный, дипломатический и экономический инструментарий, позиционируя себя как посредник и поставщик «глобальных общественных благ»¹¹.

Вслед за Китаем и Индией, как отмечает российский эксперт Д.В. Стрельцов: «Япония заинтересована в установлении более демократичных и транспарентных «правил игры» в арктическом бассейне» [10, с. 99]. Японское руководство считает, что в основе управления Арктикой должны лежать концепции о «глобальном общественном достоянии» и «общих интересах»: «Япония рассматривает регион как мировое достояние, взаимодействие в рамках которого должно быть выгодно всем заинтересованным в нем акторам. Именно поэтому японская арктическая политика основывается на понятии «общественного достояния» (“commons”), которое предполагает признание всеми государствами, не только арктическими, соответствующих международному праву норм и практик в регионе»¹². В этой связи японская дипломатия ставит перед собой зада-

чу повышения роли Японии в арктических делах и содействия признания «общественного достояния» Арктики всем мировым сообществом.

Признание ограничений в возможностях наблюдателей влиять на принятие решений в Арктике характерно и для Южной Кореи. Последнее время Республика Корея, тем не менее, демонстрирует повышенное внимание к Арктике, обусловленное ее экономическими и дипломатическими интересами в регионе, и заявляет о желании расширить свое участие в арктических делах и арктическом управлении. Это нашло отражение в слогане корейской арктической стратегии: «Первопроходец и партнер в формировании будущего Арктики»¹³.

Как отмечают корейские эксперты, несмотря на приоритет экономических интересов, Арктика для Южной Кореи не объект борьбы за ресурсы, а «глобальное пространство управления, где разные институты взаимодополняют друг друга» [41]. Таким образом, южнокорейская политика в Арктике рассматривается через призму глобального управления (global governance), а не только ее национальных интересов.

В стратегических документах, определяющих политику Южной Кореи в Арктике, ключевая роль в системе регионального управления отводится АС, который является главным форумом согласования экологической и устойчивой повестки. Кроме АС, в контексте южнокорейского понимания системы арктического управления важны и другие институты: Конвенция ООН по морскому праву, Международная морская организация, Арктический круг и различные региональные соглашения [42].

На наш взгляд, южнокорейская риторика в отношении арктического управления выглядит более сдержанной по сравнению с Китаем, Индией и Японией, несмотря на схожее с ними желание расширить степень своего участия в управлении Арктикой. При этом, стремясь компенсировать отсутствие формальных прав в процессе принятия решений в рамках АС, южнокорейское руководство делает ставку на активное участие страны в международных сетях и создании корейских платформ для сотрудничества: Arctic Partnership Week, Корейская Арктическая Академия, инициативы в рамках KOARC (Korea Arctic Research Consortium) и т.д. Таким обра-

¹⁰ Policy papers. SPF (Sasakawa Peace Foundation) review —Developing a Japan Policy towards the Arctic Ocean, 2012. // Sasakawa Peace Foundation. URL: https://www.spf.org/201203_develop_japanpol

¹¹ 平成24年度外務省国際問題調査研究・提言事業. 北極のガバナンスと日本の外交戦略. // The Japan Institute of International Affairs. 平成25年3月 [Проект исследований и рекомендаций по международным делам Министерства иностранных дел Японии 2012 г. Управление Арктикой и дипломатическая стратегия Японии. // Японский институт международных дел. - Март 2013]. URL: https://www2.jiia.or.jp/pdf/resarch/H24_Arctic/O9-arctic_governance.pdf?utm_source=chatgpt.com

¹² Восточное измерение международной кооперации в Арктике. Аналитический доклад НИУ ВШЭ. 2023. URL: <https://as.arctic-russia.ru/dl/analytics/vostochnoe-izmerenie-mezhdunarodnoy-kooperatsii-v-arktike-r.pdf>

¹³ Policy Framework for the Promotion of Arctic Activities of the Republic of Korea 2018-2022. A Pioneer and Partner in Shaping the Arctic Future. 2019. // Korea Polar Portal. URL: https://www.koreapolarportal.or.kr/data/Policy_Framework_for_the_Promotion_of_Arctic_Activities_of_the_Republic_of_Korea-2018-2022.pdf

зом, усиление роли южнокорейской стороны видится возможным через так называемую «сетевую стратегию» [41] — кооперацию и институциональную интеграцию, а не через прямую конкуренцию. Южная Корея может играть заметную роль в арктическом управлении, даже будучи наблюдателем, если будет генерировать научные знания, предлагать новые технологии и формировать эффективные диалоговые площадки.

Вопрос имиджа весьма актуален для Южной Кореи в контексте ее арктической политики. Корея позиционирует себя как «среднюю державу» и «ответственного наблюдателя», который вносит значимый вклад в науку, экологию и устойчивое развитие региона. В южнокорейском академическом дискурсе подчеркивается, что Корея может стать «средней державой-посредником», способной выстраивать мосты между арктическими и неарктическими государствами, избегая прямой конфронтации и фокусируясь на научно-технологическом сотрудничестве [42]. В результате долгосрочная стратегия Южной Кореи должна сочетать в себе участие в глобальных и региональных институтах, формировании сетевых форматов кооперации, развитии национальной научной инфраструктуры и продвижение страны как ответственного игрока в Арктике.

Наконец, Сингапур — единственная из рассматриваемой группы страна, которая пока не опубликовала стратегического документа, определяющего цели и задачи этой азиатской страны в регионе. Тем не менее, Сингапур в последние годы проявляет устойчивый интерес к Арктике, который Р.А. Битцигер определил как «периферийный», но активный и про-конструктивный: Сингапур не стремится к прямому управлению регионом, но может вносить вклад через научную дипломатию, стандарты судоходства, правовые инициативы [43].

Тема арктического управления рассматривается в Сингапуре через призму глобального управления: «важность, которую Сингапур придает глобальному управлению, пожалуй, является самой веской причиной его членства в Арктическом совете и его растущего интереса к тому, как климатические изменения в Арктике могут повлиять на страну» [43]. Через участие в арктических институтах Сингапур, будучи «малой» державой получает доступ к глобальному управлению [44], формирует имидж влиятельного игрока на мировой арене [14, р. 259; 15, р. 3]. Участие в работе АС дает возможность Сингапuru получать актуальную информацию о ситуации в регионе, в частности, о беспокоящих сингапурское руководство последствиях измене-

ния климата, делиться своими знаниями в области передовых технологий и их возможного применения в Арктике.

Заключение

Сегодня система арктического управления, несомненно, переживает период серьезной трансформации, обусловленный во многом общемировым геополитическим кризисом, нашедшим отражение и в арктическом регионе. На фоне глубокого кризиса в отношениях России и 7 арктических стран-членов НАТО наблюдается четкий «поворот на Восток» не только в российской внешней политике в Арктике, но и в системе арктического управления в целом, в результате чего Китай, Индия, Южная Корея, Япония и Сингапур с разной степенью активности, но весьма последовательно интегрируются в систему двусторонних и многосторонних связей в Арктике. Так, среди группы азиатских неарктических стран — две крупные державы — Китай и Индия, для которых их участие в арктическом сотрудничестве — это часть их глобальной стратегии, часть их политики по формированию нового мирового порядка и реформированию системы глобального управления. Япония и Южная Корея относятся к числу «средних» держав, а Сингапур — к «малым», но и в их подходах к арктическому сотрудничеству и управлению можно увидеть общее «глобальное» измерение.

Рассмотрев участие азиатских неарктических стран в системе арктического управления, представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, на данном этапе в наибольшей степени в систему арктического управления среди азиатских неарктических стран интегрированы Китай, Япония и Южная Корея. Индия пока уступает этой тройке лидеров, но достаточно уверенно с каждым годом повышает свою активность в арктических делах. Сингапур, будучи «малой» державой, в наименьшей степени проявляет интерес к вопросам управления, делая акцент на развитии сотрудничества в регионе с разными странами.

Во-вторых, ключевыми элементами арктического управления азиатские неарктические страны рассматривают Арктический совет, а также институты ООН, в частности, Международную морскую организацию и Конвенцию ООН по морскому праву, различные региональные научные организации, в которых они достаточно широко представлены.

В-третьих, для всех азиатских стран-наблюдателей участие в арктических делах — это часть

их имиджевой политики, нацеленной на повышение роли, статуса страны на мировой арене. В связи с этим, практически все рассмотренные страны в своих стратегических документах отмечают стремление к дальнейшему расширению своего присутствия в институтах арктического управления, общему повышению степени участия неарктических государств в делах региона.

В-четвертых, ограниченное правилами участие неарктических стран в АС ведет к тому, что неарктические государства стремятся к участию в других форумах и организациях, где они могут действовать на равных. Наблюдается практика создания новых, в том числе «сетевых», форматов сотрудничества неарктических стран (например, Азиатский форум полярных наук, Тихоокеанская арктическая группа и др.).

Что касается позиций азиатских неарктических стран в отношении будущего системы арктического управления, то здесь мы видим явное стремление к «глобализации» Арктики и ее проблемного поля. Сегодня азиатские страны достаточно активно выражают свое общее недовольство ограничением их прав в арктических делах статусом наблюдателей в АС и статусом «неарктических» стран и призывают к качественной трансформации системы арктического управления в сторону расширения прав неарктических игроков (установление более демо-

кратичных и транспарентных «правил игры» в арктическом бассейне для неарктических стран, расширения экономических возможностей для них). Несмотря на формальное признание суверенных прав арктических стран в регионе, данная группа стран на экспертном уровне продолжает дискуссии на тему определения Арктики как «глобального общественного достояния» (global commons) и даже, в случае Индии, отказа от самого термина «неарктические» страны. Подобный подход имеет деструктивный характер с позиций арктических стран, тем более в условиях уже и без того проявляющегося кризиса системы арктического управления. Изначально, азиатские неарктические страны позиционировали себя в качестве потенциальных «посредников» между Россией и арктическими западными странами, как некую дипломатическую силу, намеренную стабилизировать кризисную ситуацию в Арктике. Новые игроки начали продвигать новые форматы сотрудничества в Арктике, новую повестку дня. Однако, вместо «посреднических» функций мы все больше наблюдаем «ревизионистские» настроения среди неарктических стран Азии. Представляется, что такой подход вновь актуализирует вопрос баланса интересов арктических и неарктических стран в регионе и не снимает с повестки дня вопрос о будущем системы арктического управления.

Список использованной литературы

1. Голдин В.И. Международные отношения в Арктике : учебно-методические материалы № 3/2017 / В.И. Голдин, Ф.Х. Соколова, М.М. Паникар. — Москва : Российский совет по международным делам, 2017. — 76 с. — EDN XWCWLB.
2. Koivurova T. The Current and Future Role of non-Arctic States in Arctic Governance / T. Koivurova. — DOI 10.4324/9780429461170-2 // *Emerging Legal Orders in the Arctic*. — Routledge, 2019. — P. 11–26.
3. Guo Peiqing. An Analysis of New Criteria for Permanent Observer Status on the Arctic Council and the Road of Non-Arctic States to Arctic / Peiqing Guo. — DOI 10.54007/ijmaf.2012.4.2.21 // *International Journal of Maritime Affairs and Fisheries*. — 2012. — Vol. 4, iss. 2. — P. 21–28.
4. Бродт Л. Активизация азиатских стран в Арктике и российско-индийское сотрудничество в регионе / Л. Бродт // Российский совет по международным делам. — 2023. — 27 марта. — URL: <https://russiangouncil.ru/analytics-and-comments/columns/arcticpolicy/aktivizatsiya-aziatskikh-stran-v-arktike-i-rossijsko-indiyskoe-sotrudnichestvo-v-regione/>.
5. Lagutina M. Russia's Arctic Policies: Concepts, Domestic and International Priorities / M. Lagutina // *The Polar Journal*. — 2021. — Vol. 11, iss. 1. — P. 118–135.
6. Лексютина Я.В. Поворот на Восток в арктической политике России / Я.В. Лексютина. — DOI 10.24412/1026-8804-2025-2-186-204. — EDN ORDOGV // *Россия и АТР*. — 2025. — № 2. — С. 186–204.
7. Лексютина Я.В. Сотрудничество России со странами Северо-Восточной Азии в вопросах хозяйственного освоения Арктики / Я.В. Лексютина. — DOI 10.31857/S013128120013932-6. — EDN PHXWGW // *Проблемы Дальнего Востока*. — 2021. — № 1. — С. 33–48.
8. Конышев В.Н. Стратегии стран Восточной Азии в Арктике / В.Н. Конышев, А.А. Сергунин. — EDN PIJGVZ // *Проблемы Дальнего Востока*. — 2012. — № 6. — С. 35–48.
9. Лексютина Я.В. Китай и Индия в Арктике: интересы, стратегии и сотрудничество с Россией. / Я.В. Лексютина. — DOI 10.24866/1998-6785/2019-4/40-48. — EDN UIVMRH // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. — 2019. — № 4. — С. 40–48.

10. Стрельцов Д.В. Политика Японии в Арктике / Д.В. Стрельцов. — DOI 10.18611/2221-3279-2017-8-1-93-103. — EDN XISOCT // Сравнительная политика. — 2017. — Т. 8, № 1. — С. 93–103.
11. Rainwater Sh. Race to the North. China's Arctic Strategy and Its Implications / Sh. Rainwater // *Naval War College Review*. — 2013. — Vol. 66, no. 2. — P. 62–82.
12. Jian Yang. Introduction: Nordic Perspectives on Asia's Arctic Interests / Yang Jian, L. Lunde // *Asian Countries and the Arctic Future* / ed. L. Lunde, Yang Jian, I. Stensdal. — World Scientific Publishing, 2016. — P. 1–11.
13. Sinha U. India in the Arctic: A Multidimensional Approach / U. Sinha. — DOI 10.21638/11701/spbu06.2019.107. — EDN ZIQKEX // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. — 2019. — Т. 12, № 1. — С. 113–126.
14. Solli P.E. Coming into the Cold: Asia's Arctic Interests / P.E. Solli, E. Wilson Rowe, W. Yennie Lindgren // *Polar Geography*. — 2013. — Vol. 36, no. 4. — P. 253–270.
15. Tonami A. Arctic Policies of Japan, South Korea, and Singapore / A. Tonami // *Polar Initiative Policy Brief*. — 2014.
16. Kavanagh E. Arctic Governance: An Analysis of a Treaty-Based Cooperation Hypothesis / E. Kavanagh. — DOI <https://doi.org/10.36151/SYBIL.2024.013> // *Spanish Yearbook of International Law*. — 2023. — No. 27. — URL: <https://www.sybil.es/sybil/article/view/2107>.
17. Heininen L. Governance & Governance in the Arctic: An Introduction to Arctic Yearbook 2015 / L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Plouffe // *Arctic Yearbook*. 2015. — URL: <https://arcticyearbook.com/arctic-yearbook/2015/12-yearbook/2015-arctic-governance-and-governing/121-governance-governance-in-the-arctic-an-introduction-to-arctic-yearbook-2015>.
18. Hansen-Magnusson H. The Web of Responsibility in and for the Arctic / H. Hansen-Magnusson. — DOI 10.1080/09557571.2019.1573805 // *Cambridge Review of International Affairs*. — 2019. — Vol. 32, no. 2. — P. 132–158.
19. Wood-Donnelly C. Responsibility of and for Structural / C. Wood-Donnelly. — DOI <https://doi.org/10.51952/9781529224832.ch002> // *Justice in Arctic Governance*. Arctic Justice / ed. C. Wood-Donnelly, J. Ohlsson. — Bristol, UK, 2023. — P. 21–35.
20. Позиции неарктических государств в отношении правового режима Северного Ледовитого океана / А.Н. Вылегжанин, В.И. Салыгин, И.П. Дудыкина, Е.В. Киенко. — DOI 10.31857/S013207690002080-0. — EDN YQOSZN // *Государство и право*. — 2018. — № 10. — С. 124–135.
21. Шинкарецкая Г.Г. Эволюция управления в Арктике / Г.Г. Шинкарецкая. — DOI 10.24412/2224-9125-2022-8-162-168. — EDN OMXPZY // *Право и управление*. — 2022. — № 8. — С. 162–168.
22. Pulkkinen K. The Arctic Council and the Northeast Asian Observers / K. Pulkkinen. — Stockholm : The Swedish Institute of International Affairs, 2013. — No. 23. — URL: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/the-arctic-council-and-the-northeast-asian-observers-min.pdf>.
23. Brugård M. Norway Says Yes to China in Arctic Council / M. Brugård // *Barents Observer*. — 2013. — 22 January. — URL: <http://barentsobserver.com/en/arctic/2013/01/norway-says-yes-china-arcticcouncil-22-01>.
24. Nong Hong. Non-Arctic States' Role in the High North: Participating in Arctic Governance Through Cooperation / Hong Nong. — DOI https://doi.org/10.1163/9789004422438_017 // *Marine Biodiversity of Areas Beyond National Jurisdiction* / ed. H. Myron. — Leiden, 2021. — P. 309–330.
25. Lagutina M. BRICS Countries' Strategies in the Arctic and the Prospects for Consolidated BRICS Agenda in the Arctic / M. Lagutina, Y. Leksytina // *The Polar Journal*. — 2019. — Vol. 9, iss. 1: Special Issue: The Asian View on Polar Research. — P. 45–63.
26. Гутенев М.Ю. Научная дипломатия неарктических стран в Арктике / М.Ю. Гутенев, Ю.С. Митина. — DOI 10.34670/ar.2022.48.61.020. — EDN LJDHWP // *Теории и проблемы политических исследований*. — 2022. — Т. 11, № 1А. — С. 170–182.
27. Вылегжанин А.Н. Консультативные совещания неарктических государств по статусу Арктики / А.Н. Вылегжанин, Е.В. Киенко. — DOI 10.21638/spbu14.2021.204. — EDN KGWKFH // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. — 2021. — Т. 12, № 2. — С. 296–318.
28. 丁煌, 朱宝林. 基于“命运共同体”理念的北极治理机制创新 // *探索与争鸣*. — 2016. — Vol. 1, iss. 3. — P. 94–99. [Дин Хуан. Инновационные механизмы управления Арктикой на основе концепции «сообщества общего будущего». / Хуан Дин, Чжу Баолин // *Исследование и дебаты*. — 2016. — Т. 1, вып. 3. — С. 94–99.].
29. 阮建平, 王哲. 善治视角下的北极治理困境及中国的参与探析 // *理论与改*. — 2018. [Жуань Цзяньпин. Анализ дилеммы управления Арктикой и участия Китая с точки зрения надлежащего управления / Цзяньпин Жуань, Ван Чжэ. — DOI 10.13553/j.cnki.llygg.2018.05.004 // *Теория и реформа*. — 2018. — № 5]. — URL: https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=1a5q0410s50d06r0ed350090m1454445&site=xueshu_se.

30. 王晨光. 中国推进“冰上丝绸之路”建设的法律风险及应对措施 // 兰州学刊. — 2021. [Ван Чэньгуан. Правовые риски и меры противодействия со стороны Китая в продвижении строительства «Ледяного Шелкового пути». / Чэньгуан Ван // Журнал Ланьчжоу. — 2021. — № 3]. — URL: https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=19130m209t1q00x0qb6q08a054190173&site=xueshu_se.
31. 吴昊. 北极治理“无极化”的原因及其未来 // 辽东学院学报 (社会科学版). — 2024. [У Хао. Причины и будущее «деполяризации» в управлении Арктикой / Хао У // Журнал Ляодунского университета (издание по социальным наукам). — 2024. — 27 авг. — URL: https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=114b0pm0n71x00m09n0q0rn0qn710087&site=xueshu_se.
32. Николаев Н.А. Китайская инициатива «Сообщество судьбы Арктики»: идейно-концептуальная основа и практика имплементации / Н.А. Николаев. — DOI 10.20542/afij-2025-2-72-81. — EDN FBHUAU // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. — 2025. — № 2. — С. 72–81.
33. 李振福, 李香栋, 彭琰, 鲍琦. “冰上丝绸之路”与北极命运共同体构建研究 // 社会科学前沿. — 2019. — Vol. 8, no. 8. — P. 1417–1427. [Исследование «Ледяного Шелкового пути» и создание сообщества общего будущего в Арктике. / Ли Чжэньфу, Ли Сяндун, Пэн Янь, Бао Ци. — DOI 10.12677/ASS.2019.88194 // Frontiers of Social Sciences. — 2019. — Т. 8, № 8. — С. 1417–1427]. — URL: <https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperid=31736>.
34. 李大海, 张苒楠. 冰上丝绸之路海洋科技创新战略研究 // 中国工程科学. — 2019. — Vol. 21, no. 6. — P. 64–70. [Ли Дахай. Исследования в области морской науки и стратегии инноваций в области технологий для Ледяного Шелкового пути / Дахай Ли, Чжан Иннань. — DOI 10.15302/J-SSCAE-2019.06.012 // Chinese Engineering Science. — 2019. — Т. 21, № 6. — P. 64–70.]. — URL: https://www.engineering.org.cn/sscae/CN/10.15302/J-SSCAE-2019.06.012?utm_source=chatgpt.com.
35. Бьюкенан Е. Гибридная стратегия Китая в Арктике / Е. Бьюкенан // per Concordiam. Journal of European Security and Defense Issues. — 2021. — 8 сент. — URL: <https://perconcordiam.com/ru/гибридная-стратегия-китая-в-арктике/>.
36. Gao F. Unique Risks and Evolving Trends in Arctic Governance: A Forward-Looking Analysis Based on Policies and Practices / F. Gao, P. Guo. — DOI 10.1186/s40309-025-00250-y // European Journal of Futures Research. — 2025. — Vol. 13. — P. 5. — URL: <https://eujournalfuturesresearch.springeropen.com/articles/10.1186/s40309-025-00250-y>.
37. Bisen A. Arctic Geopolitics and Governance: An Indian Perspective / A. Bisen // Asia Pacific Bulletin. — 2024. — No. 681. — URL: <https://www.eastwestcenter.org/sites/default/files/2024-08/APB%20681%20-%20Arctic%20Geopolitics%20and%20Governance%20-%20An%20Indian%20Perspective.pdf>.
38. Редди Г.А.В. Индия стремится к партнерству в Арктике со странами-единомышленницами. / Г.А.В. Редди, А. Сах, Н.С. Вяхирева // Российский совет по международным делам. — 2024. — 7 марта. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/indiya-stremitsya-k-partnerstvu-v-arktike-so-stranami-edinomyshlennitsami/>.
39. Бисен А. Перспективы индийско-российского сотрудничества на Северном морском пути : доклад / А. Бисен // Россия в многополярном мире: политика, экономика, образование : IX Междунар. Невский форум, Санкт-Петербург, 27 июня 2025. — URL: <https://cloud.mail.ru/public/Smui/Ece9MeBvU>.
40. 陈起飞. 地缘政治视角下日本参与北极治理的新困境 // 日本问题研究. — 2025. — Vol. 39, iss. 1. — P. 14–30. [Чэнь Цифэй. Новые дилеммы участия Японии в управлении Арктикой с геополитической точки зрения / Цифей Чэнь // Японские исследования. — 2025. — Т. 39, ч. 1. — С. 14–30.]. — URL: <https://rbwtj.hbu.edu.cn/CN/10.14156/j.cnki.rbwtj.2025.01.002>.
41. 유시현. 북극의 글로벌 거버넌스 분석과 한국의 북극정책 // 인문사회 [Ю Си Хён. Анализ глобального управления в Арктике и арктической политики Кореи. / Ю Си Хён // Гуманитарные и общественные науки. — 2023. — Т. 14, № 3. — С. 3547–3558]. — URL: https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArtiView.kci?sereArticleSearchBean.artid=ART002969011&utm_source=chatgpt.com.
42. 김민수. 북극 거버넌스와 한국의 북극정책 방향. // 해양정책연구. — 2020. — Vol. 35, no. 1. — P. 179–200. [Ким Мин Су. Управление Арктикой и направление арктической политики Кореи. / Ким Мин Су — DOI 10.35372/kmiopr.2020.35.1.007. // Исследования морской политики. — 2020. — Т. 35, № 1. — С. 179–200]. — URL: https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArtiView.kci?sereArticleSearchBean.artid=ART002601827&utm_source=chatgpt.com.
43. Bitzinger R. Singapore: A Tangential but Constructive Player in the Arctic. / R. Bitzinger — DOI 10.1007/978-3-030-45005-2_10 // Handbook on Geopolitics and Security in the Arctic / ed. J. Weber. — Springer Nature Switzerland AG, 2021. — P. 159–167.
44. Nadarajah H. How Singapore Legitimizes its Presence on the Arctic Council / H. Nadarajah // Today. — 2018. — 24 July.

References

1. Goldin V.I., Sokolova F.Kh., Panikar M.M. *International Relations in the Arctic*. Moscow, Russian International Affairs Council Publ., 2017. 76 p. EDN: XWCWLB.

2. Koivurova T. The Current and Future Role of non-Arctic States in Arctic Governance. In *Emerging Legal Orders in the Arctic*. Routledge, 2019, pp. 11–26. DOI: 10.4324/9780429461170-2.
3. Guo Peiqing. An Analysis of New Criteria for Permanent Observer Status on the Arctic Council and the Road of Non-Arctic States to Arctic. *International Journal of Maritime Affairs and Fisheries*, 2012, vol. 4, iss. 2, pp. 21–28. DOI: 10.54007/ijmaf.2012.4.2.21.
4. Brodt L. Increased Asian Engagement in the Arctic and Russia-India Cooperation in the Region. *Russian International Affairs Council*. 2023. March 27. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/columns/arcticpolicy/aktivizatsiya-aziatskikh-stran-v-arktike-i-rossiysko-indiyskoe-sotrudnichestvo-v-regione/> (In Russian).
5. Lagutina M. Russia's Arctic Policies: Concepts, Domestic and International Priorities. *The Polar Journal*, 2021, vol. 11, iss. 1, pp. 118–135.
6. Leksyutina Ya.V. The "Turn to the East" in Russia's Arctic Policy. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*, 2025, no. 2, pp. 186–204. (In Russian). EDN: ORDOGV. DOI: 10.24412/1026-8804-2025-2-186-204.
7. Leksyutina Ya.V. Russia's Cooperation with Northeast Asian Countries in the Commercial Development of the Arctic. *Problemy Dalnego Vostoka = The Problems of Far East*, 2021, no. 1, pp. 33–48. (In Russian). EDN: PHXWGW. DOI: 10.31857/S013128120013932-6.
8. Konyshov V.N., Sergunin A.A. Strategies of East Asian Countries in the Arctic. *Problemy Dalnego Vostoka = The Problems of Far East*, 2012, no. 6, pp. 35–48. (In Russian). EDN: PIJGVZ.
9. Leksyutina Y.V. China and India in the Arctic: Interests, Strategies, and Cooperation with Russia. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya = Oikumena. Regional Researches*, 2019, no. 4, pp. 40–48. (In Russian). EDN: UIVMRH. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/40-48.
10. Streltsov D.V. Japan's Arctic Policy. *Sravnitel'naya politika = Comparative Politics Russia*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 93–103. (In Russian). EDN: XISOCT. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-93-103.
11. Rainwater Sh. Race to the North. China's Arctic Strategy and Its Implications. *Naval War College Review*, 2013, vol. 66, no. 2, pp. 62–82.
12. Jian Yang, L. Lunde Introduction: Nordic Perspectives on Asia's Arctic Interests. In Lunde L., Yang Jian, Stensdal I. (eds). *Asian Countries and the Arctic Future*. World Scientific Publishing, 2016, pp. 1–11.
13. Sinha U. India in the Arctic: A Multidimensional Approach. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 113–126. EDN: ZIQKEX. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2019.107.
14. Solli P. E., Wilson Rowe E., Yennie Lindgren W. Coming into the Cold: Asia's Arctic Interests. *Polar Geography*, 2013, vol. 36, no. 4, pp. 253–270.
15. Tonami A. Arctic Policies of Japan, South Korea, and Singapore. *Polar Initiative Policy Brief*, 2014.
16. Kavanagh E. Arctic Governance: An Analysis of a Treaty-Based Cooperation Hypothesis. *Spanish Yearbook of International Law*, 2023, no. 27. Available at: <https://www.sybil.es/sybil/article/view/2107>. DOI: <https://doi.org/10.36151/SYBIL.2024.013>.
17. Heininen L., Exner-Pirot H., Plouffe J. Governance & Governance in the Arctic: An Introduction to Arctic Yearbook 2015. In *Arctic Yearbook*, 2015. Available at: <https://arcticyearbook.com/arctic-yearbook/2015/12-yearbook/2015-arctic-governance-and-governing/121-governance-governance-in-the-arctic-an-introduction-to-arctic-yearbook-2015>.
18. Hansen-Magnusson H. The Web of Responsibility in and for the Arctic. In *Cambridge Review of International Affairs*, 2019, vol. 32, no. 2, pp. 132–158. DOI: 10.1080/09557571.2019.1573805.
19. Wood-Donnelly C. Responsibility of and for Structural. / C. Wood-Donnelly. In Wood-Donnelly C., Ohlsson J. (eds). *Justice in Arctic Governance. Arctic Justice*. Bristol, UK, 2023, pp. 21–35. DOI: <https://doi.org/10.51952/9781529224832.ch002>.
20. Vylegzhanin A.N., Salygin V.I., Dudykina I.P., Kienko E.V. Positions of the Non-Arctic States on the Legal Regime of the Arctic Ocean. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2018, no. 10, pp. 124–135. (In Russian). EDN: YQOSZN. DOI: 10.31857/S013207690002080-0.
21. Shinkaretskaia G.G. Evolution of Governance in the Arctic. *Pravo i upravlenie = Journal of Law and Administration*, 2022, no. 8, pp. 162–168. (In Russian). EDN: OMPZY. DOI: 10.24412/2224-9125-2022-8-162-168.
22. Pulkkinen K. *The Arctic Council and the Northeast Asian Observers*. Stockholm, The Swedish Institute of International Affairs, 2013. No. 23. Available at: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/the-arctic-council-and-the-northeast-asian-observers-min.pdf>.
23. Brugård M. Norway Says Yes to China in Arctic Council. *Barents Observer*. 2013. January 22. Available at: <http://barentsobserver.com/en/arctic/2013/01/norway-says-yes-china-arctic-council-22-01>.
24. Nong Hong. Non-Arctic States' Role in the High North: Participating in Arctic Governance through Cooperation. In Myron H. (ed.). *Marine Biodiversity of Areas Beyond National Jurisdiction*. Leiden, 2021, pp. 309–330. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004422438_017

25. Lagutina M., Leksyutina Y. BRICS Countries' Strategies in the Arctic and the Prospects for Consolidated BRICS Agenda in the Arctic. *The Polar Journal*, 2019, vol. 9, iss. 1: Special Issue: The Asian View on Polar Research, pp. 45–63.

26. Gutenev M.Yu., Mitina Yu.S. Scientific Diplomacy of Non-Arctic Countries in the Arctic. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy = Theories and Problems of Political Studies*, 2022, vol. 11, no. 1A, pp. 170–182. (In Russian). EDN: LJDHWP. DOI: 10.34670/ar.2022.48.61.020.

27. Vylegzhanin A.N., Kienko E.V. Consultative Meetings of Non-Arctic States on the Status of the Arctic. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 296–318. (In Russian). EDN: KGWKFH. DOI: 10.21638/spbu14.2021.204.

28. Ding Huang, Zhu Baolin. Innovative Mechanisms for Managing the Arctic Based on the Concept of a “Community of a Common Future”. *tànsuǒ yǔ zhēngmíng = Exploration and Debate*, 2016, vol. 1, no. 3, pp. 94–99. (In Chinese).

29. Ruan Jianping, Wang Zhe. An Analysis of the Dilemma of Arctic Governance and China's Involvement from the Perspective of Good Governance. *lǐlùn yǔ gǎi = Theory and Reform*, 2018, no. 5. Available at: https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=1a5q0410s50d06r0ed350090m1454445&site=xueshu_se. (In Chinese). DOI: 10.13553/j.cnki.llygg.2018.05.004.

30. Wang Chenguang. Legal Risks and Counteraction Measures from China in Promoting the Construction of the “Ice Silk Road”. *Lánzhōu xué kān = Lanzhou Journal*, 2021, no. 3. Available at: https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=19130m209t1q00x0qb6q08a054190173&site=xueshu_se. (In Chinese).

31. Wu Hao. The Causes and Future of “Depolarization” in Arctic Governance. *liáodōng xuéyuàn xuébào (shèhuì kēxué bǎn) = Journal of Liaodong University (Social Sciences Edition)*, 2024, August 27. Available at: https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=114b0pm0n71x00m09n0q0rn0qn710087&site=xueshu_se. (In Chinese).

32. Nikolaev N.A. China's ‘Arctic Destiny Community’ Initiative: Conceptual Framework and Implementation Practice. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN = Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2025, no. 2, pp. 72–81. (In Russian). EDN: FBHAUA. DOI: 10.20542/afij-2025-2-72-81.

33. Li Zhenfu, Li Xiangdong, Peng Yan, Bao Qi. Exploring the “Ice Silk Road” and Creating a Community of a Common Future in the Arctic. *shèhuì kēxué qiányán = Frontiers of Social Sciences*, 2019, vol. 8, no. 8, pp. 1417–1427. Available at: <https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperid=31736>. (In Chinese).

34. Li Dahai, Zhang Yingnan. Marine Science Research and Technology Innovation Strategies for the Ice Silk Road. *zhōngguó gōngchéng kēxué = Chinese Engineering Science*, 2019, vol. 21, no. 6, pp. 64–70. (In Chinese). DOI: 10.15302/J-SSCAE-2019.06.012.

35. Byukenan E. China's Hybrid Strategy in the Arctic. *per Concordiam. Journal of European Security and Defense Issues*, 2021, September 8. Available at: <https://perconcordiam.com/ru/гибридная-стратегия-китай-в-арктике/>. (In Russian).

36. Gao F., Guo P. Unique Risks and Evolving Trends in Arctic Governance: A Forward-Looking Analysis Based on Policies and Practices. *European Journal of Futures Research*, 2025, vol. 13, pp. 5. Available at: <https://eujournalofuturesresearch.springeropen.com/articles/10.1186/s40309-025-00250-y>. DOI: 10.1186/s40309-025-00250-y.

37. Bisen A. Arctic Geopolitics and Governance: An Indian Perspective. *Asia Pacific Bulletin*, 2024, no. 681. Available at: <https://www.eastwestcenter.org/sites/default/files/2024-08/APB%20681%20-%20Arctic%20Geopolitics%20and%20Governance%20-%20An%20Indian%20Perspective.pdf>.

38. Reddy G.A.V., Sah A., Viakhireva N. India Seeks Arctic Partnerships with Like-Minded Nations. *RIAC*, 2024, March 7. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/indiya-stremitsya-k-partnerstvu-v-arktike-so-stranami-edinomyshlennitsami/>. (In Russian).

39. Bisen A. Prospects of Indian-Russian Cooperation on the Northern Sea Route. In *Russia in a Multipolar World: Politics, Economics, Education. 9th International Nevsky Forum, Saint Petersburg, June 27, 2025*. Available at: <https://cloud.mail.ru/public/Smui/Ece9MeBvU>. (In Russian).

40. Chen Qifei. New Dilemmas of Japan's Participation in the Management of the Arctic from a Geopolitical Point of View. *ribēn wèntí yánjiū = Japanese Research*, 2025, vol. 39, iss. 1, pp. 14–30. Available at: <https://rbwtjy.hbu.edu.cn/CN/10.14156/j.cnki.rbwtjy.2025.01.002>. (In Chinese).

41. Yoo Si-hyun. Analysis of Global Governance in the Arctic and Korea's Arctic Policy. *inmun-sahoe = Humanities and Social Sciences*, 2023, vol. 14, no. 3, pp. 3547–3558. Available at: https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArtiView.kci?sereArticleSearchBean.artiId=ART002969011&utm_source=chatgpt.com. (In Korean).

42. Kim Min Su. A Study on Prospect of Arctic Governance and Direction for Arctic Policy of Korea. *haeyangjeongchaeg-yeongu = Ocean Policy Research*, 2020, vol. 35, no. 1, pp. 179–200. Available at: https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArtiView.kci?sereArticleSearchBean.artid=ART002601827&utm_source=chatgpt.com. (In Korean).

43. Bitzinger R. Singapore: A Tangential but Constructive Player in the Arctic. In Weber J. (ed.). *Handbook on Geopolitics and Security in the Arctic*. Springer Nature Switzerland AG, 2021, pp. 159–167. DOI: 10.1007/978-3-030-45005-2_10.

44. Nadarajah H. How Singapore Legitimizes its Presence on the Arctic Council. *Today*. 2018. July 24.

Информация об авторах

Лагутина Мария Львовна — доктор политических наук, главный научный сотрудник, профессор кафедры мировой политики, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, m.lagutina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6240-7488>.

Лун Цуй — аспирант, Высшая школа международных отношений, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет имени Петра Великого, 195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, литера Б, luntsui@yandex.ru.

作者信息

Maria L. Lagutina — 政治学博士, 首席研究员, 国际关系学院世界政治系教授, 圣彼得堡国立大学, 199034, 俄罗斯联邦, 圣彼得堡, 大学堤防7-9, m.lagutina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6240-7488>.

龙翠 — 人文学院国际关系高等学校博士研究生, 彼得大帝圣彼得堡理工大学, 195251, 俄罗斯联邦, 圣彼得堡, 理工学院街29字母B, luntsui@yandex.ru.

Authors

Maria L. Lagutina — D.Sc. in Political Science, Chief Researcher, Professor, Department of World Politics, School of International Relations, Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation, m.lagutina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6240-7488>.

Lun Cui — PhD Student, Higher School of International Relations, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29, Letter B, Politechnicheskaya Str., Saint Petersburg, 195251, Russian Federation, luntsui@yandex.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

作者的贡献

所有作者对该出版物的准备作出了等量贡献。所有作者声明无利益冲突。

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Лагутина М.Л. Подходы неарктических азиатских стран к системе арктического управления в эпоху турбулентности / М.Л. Лагутина, Цуй Лун. — DOI 10.17150/2587-7445.2026.10(1).31-49. — EDN QAVLGL // Российско-китайские исследования. — 2026. — Т. 10, № 1. — С. 31–49.

For Citation

Lagutina M.L., Lun Cui. Approaches of Non-Arctic Asian Countries to the System of Arctic Governance in the Era of Turbulence. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 31–49. (In Russian). EDN: QAVLGL. DOI: 10.17150/2587-7445.2026.10(1).31-49.